

5. Зязиков, М.М. Русский язык и приоритеты государственной политики Российской Федерации в языковой сфере // Вестник российской нации. – М.: Общероссийский союз общественных объединений содействия укреплению государственного единства «Российская нация», 2016. – Т. 49, № 4-4 (49). – С. 117-139.

6. Лузикова, С.Н. Тестирование мигрантов по русскому языку как показатель реализации миграционной политики России / С.Н. Лузикова, Т.В. Сварчевская // Вестник Тверского гос. ун-та. – Тверь: Тверской гос. ун-т. – 2014. – № 1. – С. 217-221.

7. Подгорская, А.В. Национальная система тестирования иностранных граждан по русскому языку как элемент реализации языковой политики государства / А.В. Подгорская, Р.Я. Храмшин // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – Магнитогорск: Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова. – 2014. – № 1. – С. 234-238.

8. Тимофеева, Н.А. Развитие системы тестирования по русскому языку как иностранному как фактор адаптации и интеграции иностранных мигрантов в российский социум / А.Н. Тимофеева, С.М. Андреева, О.В. Сенюкова // Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях. – Белгород: Белгородский гос. институт искусств и культуры, 2017. – С.126-131.

9. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Г.Н. Аверьянова и др. – М.; СПб: Златоуст, 1999. – 112 с.

10. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н.П. Андрушина и др. – Изд. 2-е. – М.; СПб.: Златоуст, 2009. – 32 с.

11. Тряпельников, А. В. Концепция организации языковой подготовки иностранных граждан к комплексному экзамену по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации с использованием дистанционных технологий / А.В. Тряпельников, Н.В. Поморцева, В.П. Синячкин, В.В. Дронов // Высшее образование сегодня. – М.: Логос. – 2015. – № 12. – С. 75-80.

УДК 19.41.09

Е.Г. Иващенко

ЖАНР ОТКРЫТОГО ПИСЬМА В АМУРСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1930-х гг. НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ГОЛОС УДАРНИКА»

Статья посвящена изучению специфики жанра открытого письма в газете Амурской области «Голос ударника» за 1934 г.

Ключевые слова: открытое письмо, жанр, проблема авторства, агитация, пропаганда, газета «Голос ударника».

A STUDY ON THE OPEN LETTER GENRE IN AMUR JOURNALISM OF THE 1930s BASED ON THE EXAMPLE OF THE «GOLOS UDARNIKA» NEWSPAPER

The article deals with the study of the specifics of the open letter genre in the 1934 Amur region newspaper «Golos udarnika».

Key words: open letter, genre, problem of authorship, agitation, propaganda, newspaper «Golos udarnika».

Информационная политика в СМИ России 30-х гг. XX в. целиком зависела от государственных установок. СМИ реализовали те цели и задачи, которые ставили перед ними властные структуры, поэтому идейно-творческая концепция, подход к определенным вопросам целиком диктовались «сверху», недаром основными издателями прессы в областях выступали райкомы, райисполкомы, политотделы машинно-тракторных станций и зерносовхозов. Их функции сводились не только к ин-

формированию населения об общественно значимых событиях, но и к решению целого ряда хозяйственных и политических проблем, среди которых были стимулирование производственного процесса, контроль над выполнением пятилетних планов, борьба с бесхозяйственностью и халатностью, выявление классово-чуждых элементов и др. Для успешного решения данных задач средствами массовой информации необходимо было наладить обратную связь с аудиторией. Одним из жанров, с помощью которых можно было добиться эффективного взаимодействия с массами, стал жанр письма. Письмо, так или иначе связанное в массовом сознании с частной перепиской, позволяло создать ощущение откровенности, правдивости излагаемого, несло мощный эмоциональный заряд.

Говоря об эпистолярной журналистике, исследователи традиционно разделяют все материалы на две группы: открытые письма и письма в редакцию [1]. При этом, опираясь на исходную интенцию, намерение пишущего, выделяют такие разновидности как письма-жалобы, письма-предупреждения, письма-просьбы, письма-призывы, письма-предложения, письма-рассуждения, письма-благодарности, письма-поздравления, письма-заявления, полемические письма и др. Все эти жанровые вариации встречались в 1930-х гг. и на страницах газет Амурской области.

Одним из изданий, активно практиковавших обращение к эпистолярному жанру, была газета «Голос ударника». Выпускаемая сотрудниками политотдела Тамбовской МТС, газета была призвана осуществлять не столько информационную, сколько организационную и стимулирующую функции. Тираж издания был 800 экземпляров, объем варьировал, даты выпуска были нестабильными. Часть контента состояла из материалов центральных изданий, но материалы редакции превалировали. Материалы эпистолярного жанра встречались чуть ли не в каждом втором номере (из 16 номеров за 1934 г., имеющихся в нашем распоряжении, в 10 встречались открытые письма и письма в редакцию). Также следует отметить многообразие представленных жанровых вариаций: письма-призывы, письма-вызовы на социалистическое соревнование, письма-обличения, письма-благодарности, письма-сигналы и др. были призваны решить стоящие перед газетой задачи.

В своем исследовании мы сосредоточим внимание на открытых письмах, опубликованных на страницах «Голоса ударника» в 1934 г., в частности на их жанровом своеобразии, целевой установке и проблеме авторства.

А.И. Акопов определяет жанр открытого письма как «обращение по поводу важного общественного явления, острой проблемы, событий или фактов, могущих повлечь за собой опасные последствия, предназначенное для опубликования в печати», авторами которого выступают «известные общественные деятели, писатели, ученые, руководители предприятий и учреждений, ответственные работники системы управления» [1, с. 14]. Но если мы говорим о районной и местной прессе 1930-х гг., следует учесть, что социальный статус корреспондентов был значительно ниже, да и масштаб поднимаемых проблем редко выходил за пределы колхозной жизни.

Одна из проблем, являющаяся краеугольным камнем при характеристике открытых писем в СМИ 1930-х гг., связана с установлением их авторства. Безусловно, каждое из рассматриваемых открытых писем имело своего адресанта, было подписано. И тем не менее, учитывая ситуацию в журналистике в указанный период времени с ее господством цензуры и необходимостью реализовывать поставленные задачи, можно предположить, что редакция имела непосредственное отношение не только к публикации, но и к созданию данных текстов.

Агитационный, пропагандистский характер открытых писем из «Голоса ударника» позволяет утверждать, что их написание было инициировано редакцией газеты. Призывы к сдаче хлеба кооперации и перевыполнению планов, разоблачение кулацких происков, призывы к участию в общественной жизни исходили скорее от политотдела, чем от рядовых колхозников. Е. Никишина в монографии «Жанровое своеобразие писем читателей в газеты», рассуждая об авторстве писем, отмечала: «Исходя из общих представлений о политике советской власти в первые послереволюционные годы,

у нас есть основания предполагать, что в 20-е гг. советская цензура еще не набрала таких оборотов, как в 30-е гг. и позже, а значит можно надеяться на то, что письма читателей редактировались мало [2, с. 47] Действительно, редакторская правка писем в 30-е гг. значительно усилилась, но все же мы исходим из предположения, что в «Голосе ударника» не могло быть полностью сфальсифицированных писем. Малая населенность территории Амурской области приводила к тому, что колхозники одной МТС так или иначе знали друг друга, имели общих родственников или знакомых. Явная фальсификация открытых писем могла полностью подорвать и без того хрупкое доверие к газете, привести к скрытому саботажу всех ее начинаний. Поэтому, на наш взгляд, данные публикации были продуктом двойного авторства: инициированные редакцией, они могли быть надиктованы политотдельцам колхозниками (в случае, если колхозник был неграмотен), либо отданы в редакцию в письменном виде, после чего в них вносились изменения. Правки были скорее идеологического характера, чем языкового, о чем свидетельствовала безграмотность эпистол.

Одним из событий, вызвавших публикацию двух писем читателей в номере от 11 ноября 1934 г., было распределение доходов в колхозе. На первой полосе редакция в восторженных выражениях рапортовала о колхозных достижениях. Заголовки и подзаголовки *«Год борьбы и побед»*, *«Сегодня мы распределяем доходы»*, *«Сегодня у нас торжество всем торжествам»*, *«К пленуму краевого комитета партии одержать еще больше побед»*¹ были нацелены сформировать положительное отношение в происходившим событиям [3]. В публикациях приводились цифры, свидетельствующие об успехах колхоза в 1934 г., сообщались обязательства на будущее.

На второй странице были два открытых письма, приуроченных к тому же событию и подписанные именами колхозников – Ильей Андреевичем Димурой и Василием Махносовым. По ведущей интенции это письмо-благодарность и письмо-обязательство, а их цель – стремление сформировать положительное отношение к колхозной жизни.

Исходная заданность, схожая структура и выбранные языковые средства позволяют предположить, что письма были написаны одной рукой. На наш взгляд, инициаторами и составителями данных писем были сотрудники редакции, предварительно побеседовавшие с колхозниками, а затем составившие тексты писем. Это был своего рода эффективный механизм, позволяющий малыми затратами выполнить редакционное задание – совместить «глас народа» с партийными установками.

Публикации пересекались уже на уровне заголовков: *«Я – СЧАСТЛИВЫЙ ОТЕЦ СЕМЕЙСТВА»* [4] и *«Моя семья вступает на путь зажиточной жизни»* [5]. В обоих случаях акцент был сделан на семейном положении колхозников, их социальном и личностном благополучии. Авторы позиционировались как главы семей, а, значит, говорили не только от себя, но и от имени своих близких. Это позволяло существенно расширить статус корреспондентов, делая каждого из них рупором большого разновозрастного коллектива – семьи.

Письма имели схожую структуру. В частности, в обоих случаях был опущен один из важнейших компонентов письма – обращение к адресату. Письма начинались с декларации о счастливой жизни в колхозе:

«Счастливый потому, что три мои сына, дочь, два зятя – трактористы ударники, А это большое дело – почетные люди колхоза. Сегодняшний день как для моей семьи, так и для семей сыновей, является днем торжества – колхоз распределяет доходы» [4].

«Сегодняшний день, день распределения доходов еще раз меня убедил, вложил новые силы и твердую уверенность в то, что только в колхозе, честным и добросовестным трудом можно улучшить свою жизнь» [5].

---

¹ Здесь и далее орфография, пунктуация и графические обозначения не изменены.

Отсутствие адресата, на наш взгляд, стало побочным эффектом «двойного авторства» и исходной заданности писем. Как представляется, составитель писем время от времени «забывал», что работает в эпистолярном жанре, а не над публичным выступлением с трибуны.

Далее в обоих письмах шли краткие автобиографические рассказы, предваряемые схожим предисловием: *«И вот, в этот день, я не могу умолчать о прошлом, как я жил?»* [4] и *«Прошлое и настоящее моей жизни»* [5].

В письмах указывался прежний социальный статус колхозников (батрак и середняк), перечислялись трудности, с которыми пришлось столкнуться в прошлой, доколхозной жизни. Акцент делался на общем неблагополучии, бедности и безысходности. Упоминался и виновник такого положения дел – кулак: *«Не сладко было, особенно у кулака Турецкого, который за несчастный кусок хлеба по жилам вытягивал молодую жизнь»* [4] и *«И так бывало круглый год – в кабальном долге у кулака и жизнь в проголодь»* [5]. Очевидно, что задачей редакции было показать жизнь человека (в данном случае и бедняков, и середняков) в его движении от страданий к счастливому будущему в колхозе.

Затем в обоих письмах шло прославление колхозной жизни, приводились доказательства выгоды колхозного земледелия и подчеркивалось, что только в колхозе человек может достичь общественного уважения.

Заключительные части писем также имели много общего. В первом случае письмо заканчивалось благодарностью, во втором – призывом:

«Благодарю коммунистическую партию и советское правительство, которые хорошо позаботились о нас, колхозниках, направив на путь колхозной жизни» [4].

«В день такого торжественного дня беру на себя обязательство – работать еще лучше и бороться за укрепление колхоза непокладая рук» [5].

Языковые особенности писем также свидетельствовали в пользу тезиса о двойном авторстве писем. В текстах были использованы языковые клише, характерные для публицистики эпохи укрепления советской власти, но при этом были сохранены обороты, свойственные разговорной речи простого человека. Наличие орфографических, пунктуационных, стилистических и другого рода ошибок также не могло однозначно свидетельствовать в пользу авторства колхозников, поскольку в других материалах редакции количество нарушений примерно соответствовало их количеству в текстах рассматриваемых писем.

Можно утверждать, что публикация данных открытых писем была инициирована политотделом МТС, а текст являлся результатом совместного творчества колхозников и сотрудников «Голоса ударника». Двойное авторство привело к нарушению жанровых канонов, поскольку в письмах не был указан адресат, а большая часть текстов была отведена под рассказы автобиографического характера, доказывающие преимущества колхозной жизни. Но цель, связанная с декларацией преимуществ колхозной жизни через демонстрацию конкретных житейских историй, была достигнута.

Вторая группа писем также была направлена на решение проблемы, стоящей перед политотделом: нежеланием колхозников сдавать хлеб кооперации (как можно предположить, из-за низких закупочных цен). Для ее решения, наряду со многими другими приемами, была задействована переписка между двумя колхозницами – некой Марьей Гурьевной Козловой, именуемой в письме *бабкой Козловой*, и ее *дорогой подруженькой* Марфой Македон. В публикациях очень живо рассказывалось о выгодах сдачи хлеба кооперации:

«Шлю привет тебе Бабка Козлова. Уж мне очень хочется знать с какими результатами ты приходишь к концу полевых работ в колхозе: сколько у тебя трудодней и много ли ты получишь хлеба на трудодни. А особенно хочу знать – сколько ты продала хлеба кооперации?»

Скажу несколько слов о себе. Хотя мне 74 года но трудодней все же заработала – 120. Пшеницы получу – 75 пуд а потом, соя, подсолнух, картофель. Куда мне девать все это будет? А живу-то я одна! Вот я и думаю: добрую половину продам кооперации и куплю себе разных товаров.

В счет аванса я получила 15 пудов пшеницы. Из них 12 пудов продала кооперации. На вырученные деньги взяла ситцу, полушалок, теплого материала на юбку, заказала сапоги и катанки...» [6].

Через пять дней в номере от 18 октября 1934 г. газета опубликовала ответ Марьи Козловой, в котором также настойчиво проводилась мысль о необходимости сдачи сельхозпродукции кооперативам: *«Трудодней я заработала – 200 И получу одной пшеницы около 100 пудов. Старик мой, тоже порядком получил. В счет аванса получили мы со стариком 54 пуда. Из них 30 пудов продали кооперации... Со стариком мы так и решили – все излишки продадим кооперации» [7].*

Выделение жирным шрифтом не оставляло сомнения в том, к каким фразам пыталась привлечь внимание читателей редакция газеты. Прием повтора, использованный в обоих письмах, фокусировал внимание на нужной информации. Фразы «сдать (продать) хлеб кооперации» и «получить (пшеницу, хлеб, пуды) неоднократно повторялись в обоих письмах. Подобный прием был призван показать единственно верный способ действия: **полученный** за трудодни хлеб следовало **сдать** кооперации.

В завершение письма Марья Гурьевна Козлова восклицала: *«Часто мы со стариком задумываемся, а что-бы нам быть моложе лет на двадцать! Эх и поработали бы! Уж очень хорошо жить-то становится, вот что!» [7].* Так, решая практическую задачу, связанную с развитием кооперации, редакция не забывала формировать положительное общественное мнение о жизни колхозов при советской власти.

Как и в предыдущем случае, можно утверждать, что письма были инициированы редакцией. Но нам представляется, что степень самостоятельности колхозниц при их написании была выше: письма, как и положено, начинались с обращения к адресату, тексты были насыщены бытовыми подробностями, структура и язык эпистол различны, количество газетных штампов незначительно. Вероятно, при составлении писем пожилым колхозницам оказывалась помощь со стороны редакции газеты, но при этом была сохранена естественная структура народной речи, создавшая ощущение искренности и естественности.

Публикация третьей группы писем (точнее, заявления и открытого письма) также была связана с реализацией одной из партийных установок: привлечению колхозников к массово-политической работе, результатом которой должно было стать повышение эффективности производственного процесса. В номере от 17 июня было размещено заявление конюха Игната Карпова на имя начальника политотдела Тамбовской МТС т. Рохлина:

«Настоящим довожу до вашего сведения, что я Карпов Игнат, в течении 3-х лет выполняя должность конюха в колхозе «Амурский партизан» решительно борюсь со всякими болезнями лошадей, в том числе и с чесоткой. За этот период я смог дать колхозу драгоценнейший подарок – вырастить 7 жеребят, каковые на сегодняшний день живы и здоровы. А посему прошу вызвать меня на районный слет молодых ударников...» [8].

Далее автор отмечал, что *«нет такого трудного положения из которого нельзя бы было выйти с честью, что нет таких преград и препятствий коих мы не смогли бы взять, чтобы колхоз был богаче, а колхозники стали жить лучше...» [8].*

Несмотря на то, что жанр был определен автором как заявление, его публикация в газете позволяет отнести текст к жанру открытого письма. Дело в том, что текст, адресованный начальнику политотдела, был явно переделан для публичной коммуникации: в него были интегрированы агитационные элементы, свойственные публицистике того времени. По нашему мнению, заявление, созданное полуграмотным колхозником и поступившее начальнику политотдела, было передано в редакцию и там «доработано». Это привело к парадоксальному смешению официально-делового, публицистического (в

данном случае пафосно-торжественного, агитационного, лозунгового) и разговорного стилей. Но цель была достигнута. Публикация приобрела агитационную направленность: письмо-заявление от человека, имеющего жизненный опыт, не только показывало пример социальной активности, но и уверяло остальных, что трудности в колхозе временные и будут преодолены в ближайшее время.

Ниже на той же странице номера был размещен ответ Рохлина: *«Политотдел знает вас как лучшего конюха колхозов нашей МТС... Вам, если не ошибаюсь пятьдесят восемь лет, вы имеете за своими плечами богатейший жизненный опыт, в котором молодежь почерпнет много полезного для нашей борьбы за колхозную зажиточность. Еще раз приветствую ваше начинание и прошу вас стать организатором всех стариков, «Амурского партизана» и всей МТС по передаче опыта молодежи...»* [9].

В ответе начальника политотдела акценты также были расставлены в соответствии с проводимой партийной политикой. Рохлин говорил о «борьбе за колхозную зажиточность», хвалил колхозника за инициативность. Не случайно в письме был указан возраст Карпова: к участию в колхозной жизни пытались приобщить не только молодежь, но и старшее поколение.

В целом, публикация на страницах газеты письма-заявления и письменного ответа были в духе времени. Публикуя подобные материалы, партия пыталась показать пример того, как нужно «встраиваться» в новую колхозную жизнь, какими должны быть советские люди, как они должны жить и работать.

Таким образом, на основе анализа газеты «Голос ударника» можно утверждать, что открытые письма в СМИ 1930-х гг. выполняли агитационную и пропагандистскую функции. Поэтому редакции не только инициировали их публикацию, но и в той или иной мере «вмешивались» в их создание. В результате большинство текстов представляли собой смешение элементов публицистического стиля советской эпохи (клишированность, шаблонность, политические штампы) и «наивного» языка малообразованных корреспондентов. Смешение двух «языков эпохи» (партийного языка и языка масс) позволяло сделать тексты одновременно и доступным широким слоям населения, и агитационно наполненными. Письма, как никакой другой жанр, давали возможность наладить связь с аудиторией, включить ее в общественную и трудовую деятельность. Публикация писем подборками также усиливала пропагандистский эффект, создавая ощущение массовости, вовлеченности широких слоев населения в жизнь колхозов.

---

1. Акопов, А.И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья. – Ростов н/Д: Изд-во Института массовых коммуникаций, 1996.

2. Никишина, Е.А. Жанровое своеобразие писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.). – М.: Изд. дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 712 с.

3. «Голос ударника». Орган политотдела Тамбовской МТС. ДВК. 11 ноября, 1934 г.

4. Димура, И. Я счастливый отец семейства // «Голос ударника». Орган политотдела Тамбовской МТС. ДВК. 11 ноября, 1934 г.

5. Махносов, В. Моя семья вступает на путь зажиточной жизни // «Голос ударника». Орган политотдела Тамбовской МТС. ДВК. 11 ноября, 1934 г.

6. Македон, М. Бабке Козловой // «Голос ударника». Орган политотдела Тамбовской МТС. ДВК. 13 октября, 1934 г.

7. Козлова, М.Г. Македон Марфе // «Голос ударника». Орган политотдела Тамбовской МТС. ДВК. 18 октября, 1934 г.

8. Карпов, И.П. Начальнику политотдела Тамбовской МТС т. Рохлину от колхозника «Амурского партизана» Карпова Игната Павловича // «Голос ударника». Орган политотдела Тамбовской МТС. ДВК. 17 июня, 1934 г.

9. Рохлин. Опыт стариков – молодежи. Инициатива дела Карпова // «Голос ударника». Орган политотдела Тамбовской МТС. ДВК. 17 июня, 1934 г.